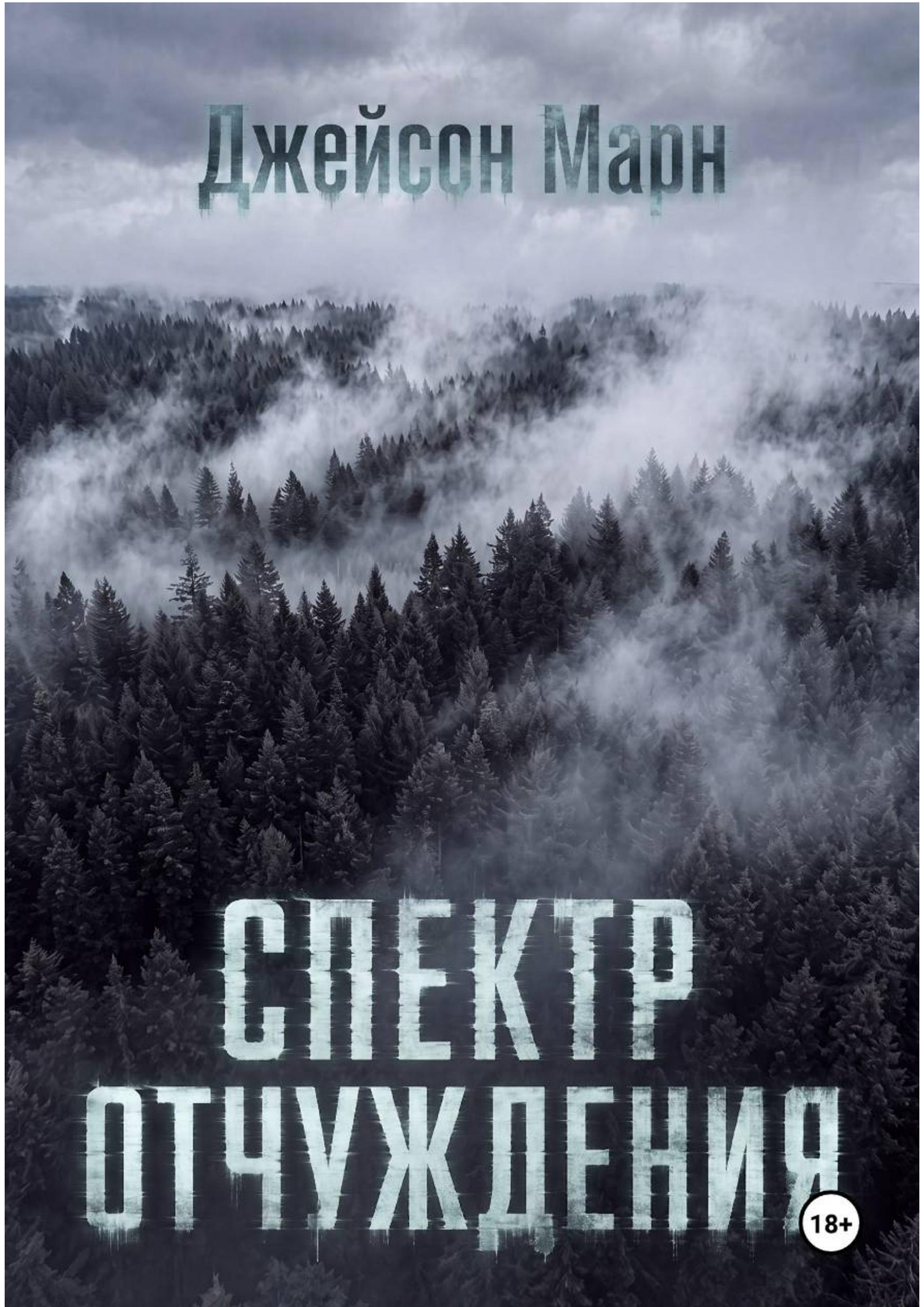

Джейсон Марн

СПЕКТР
ОТЧУЖДЕНИЯ

18+

Джейсон Марн

Спектр Отчуждения

«Автор»

2026

Марн Д.

Спектр Отчуждения / Д. Марн — «Автор», 2026

Провинциальный городок Оквуд только с виду кажется тихим и безопасным. За дверями его квартир и на туманных лестничных площадках постепенно сгущается пугающая атмосфера подозрительности и скрытой угрозы. Главным героям трех взаимосвязанных историй предстоит столкнуться с девиациями человеческого разума и пугающими тайнами, которые годами хранились в этих местах. Студент, заселившийся в старый многоквартирный дом; новый смотритель изолированной пожарной вышки 13 посреди глухого ночного леса; ночной кассир на заброшенной заправке в штормовую ночь — каждый из них окажется отрезан от цивилизации один на один со своими страхами. Паранойя нарастает с каждым часом, а привычный мир рушится, когда в темноте раздаются чужие шаги, а на пороге обнаруживаются чужие вещи. Им предстоит выяснить, что за чертовщина творится вокруг, пока их собственная ночная смена не стала последней...

© Марн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	5
Хороший человек	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джейсон Марн Спектр Отчуждения

Посвящение

Этот сборник посвящается самым важным людям в моей жизни, чья вера в меня не угасает ни на миг.

Моим близким, маме, папе и брату, — за то, что вы всегда рядом, за ваше тепло и поддержку, которые ведут меня по жизни.

Моей дорогой девушке — за то, что ты вдохновляешь меня каждый день и веришь в мои силы, даже когда я сам в них сомневаюсь.

Моей замечательной сестре — за твою искренность, заботу и за то, что ты всегда на моей стороне.

Я безмерно люблю вас. Спасибо, что верите в меня и по сей день. Этот сборник — для вас.

Хороший человек

Переезд — это всегда запах картонных коробок, дешевого скотча и тихих слез матери на кухне. Когда в начале августа 1996 года я заталкивал свои скромные пожитки на заднее сиденье старого отцовского «Шевроле», мне казалось, что я наконец-то вырвался на свободу. Колледж в Оквуде был единственным местом, куда меня взяли на *полную стипендию*, и родители радовались этому куда больше, чем я сам. Отец сунул мне в карман пару смятых двадцатидолларовых купюр, мать обняла так крепко, что затрещали ребра, и я уехал, оставив позади детство.

Спустя три дня я уже сидел на полу своей новой съемной квартиры. Оквуд встретил меня затяжными, унылыми дождями. Несмотря на август, на улице было так сыро и зябко, что из окон жилых домов вовсю тянуло домашним теплом. Местные жители давно сменили футболки на легкие куртки и плотные фланелевые рубашки.

Я и сам не вылезал из своей любимой рубашки — огромной, полинявшей, в красно-черную клетку, которую носил поверх растянутой майки. В комплекте со старыми рваными на коленях джинсами и кедами я выглядел как типичный фанат гранжа из Сиэтла, которых в то время было пруд пруди. Я слушал тяжелый рок в своих поролоновых наушниках плеера Walkman и лениво распаковывал коробки с вещами. Конверт с пластиковой карточкой местной библиотеки и расписание занятий в вузе лежали на подоконнике, напоминая, ради чего я здесь.

Мое новое жилье располагалось в трехэтажном кирпичном комплексе на двенадцать квартир, стоявшем у самой кромки густого леса. Стоило переступить его порог, как ты попадал в плотный, приятный аромат старого дуба и пожелтевших библиотечных страниц. Этот запах старинной прихожей мне сразу понравился — он успокаивал и дарил какое-то ложное, но такое нужное сейчас чувство безопасности. Наш дом жил своей тихой, размеренной жизнью.

Точнее, я надеялся, что она будет такой, ведь до переезда я успел познакомиться исключительно с мисс Грейс, когда подписывал договор аренды. Но у нашей хозяйки была одна невыносимая привычка, которая разрушила моё затворничество в первый же вечер.

Мисс Грейс панически боялась современных технологий и упорно экономила на почтовых марках. Вместо этого она от руки строчила всем жильцам огромные пояснительные записки, к которым прикалывала счета за воду, чеки за вывоз мусора и бесконечные бытовые предупреждения.

И поскольку я был самым молодым и новым жильцом в доме, она без зазрения совести переложила обязанность почтальона на мои плечи.

Укутавшись в поношенную шерстяную шаль, от которой за версту несло дешевым баным мылом и аптечной мазью для суставов, мисс Грейс всучила мне толстую стопку пожелтевших конвертов.

— Вот, молодой человек, разнесите это по квартирам, — проскрипела она, неодобрительно разглядывая мои рваные на коленях джинсы. — Заодно познакомьтесь с соседями. И передайте им, чтобы не вздумали задерживать оплату в этом месяце. Да, и не вздумайте крутить свой громкий рок по ночам! Наш дом любит тишину.

Делать было нечего. Сжимая в руках чужие счета, я вздохнул и решил начать с самого верха — с третьего этажа, где помимо мисс Грейс было еще две квартиры с жильцами.

Первым по списку шел мистер Поллин из одиннадцатой. Едва я подошел к его двери, как меня обдало горьким сигаретным дымом и чем-то неприятно горелым, будто хозяин намертво сжег свой завтрак на сковороде. Изнутри глухо доносился меланхолический, тягучий джаз. Я постучал. Музыка мгновенно оборвалась, за дверью послышались торопливые шаги, и она открылась ровно настолько, чтобы в щель протиснулось пугливое, бледное лицо молодого биржевого брокера.

— Что надо? — дергано, словно испуганная птица, спросил Поллин. Его глаза бешено бежали по пустому коридору, минуя меня.

— Э-э... Привет. Я твой новый сосед снизу. Мисс Грейс просила передать счета, — я протянул ему конверт.

Поллин выхватил бумагу из моих пальцев так резко, будто это была бомба.

— Ага, ладно. Спасибо, парень. Мне пора, — мазнул он по мне мутным взглядом и с громким щелчком врезного замка захлопнул дверь прямо перед моим носом. Странный тип. Но в Оквуде у многих к концу затяжной дождливой недели, кажется, сдавали нервы.

Я повернулся к десятой квартире, на которой висела аккуратная медная табличка с именем «Моррисон». Но постучать я не успел. Тяжелая дубовая входная дверь внизу подъезда с грохотом распахнулась, и на лестничный пролет, тяжело дыша, шагнул сам хозяин десятой квартиры

Мистер Моррисон поднимался по ступенькам, сопя как перегретый паровоз. Это был огромный, невероятно грузный мужчина с густой трехдневной щетиной. В руках он легко, словно пушинку, нес массивный деревянный ящик, доверху набитый какими-то ржавыми железными деталями. На нем была промокшая от дождя фланелевая рубашка в синюю клетку, а старые джинсы покрывали темные пятна машинного масла. Лоб великана блестел от обильного липкого пота, но, увидев меня, он тут же расплылся в широченной, обезоруживающей улыбкой во все тридцать два зуба.

— О, привет, сосед! — прогудел он глубоким, добродушным басом, аккуратно опуская тяжелый ящик прямо на дубовый паркет площадки. Из-под его ногтей чернела застарелая рабочая грязь. — Ты, должно быть, тот самый парень, что заселился к мисс Грейс на прошлой неделе? Я Том. Том Моррисон. Можно просто дядя Том.

— Привет. Да, я из пятой квартиры, — я протянул ему желтоватый конверт. — Мисс Грейс просила передать счета за воду.

— А-а, наша старая добрая Грейс, — Моррисон весело хохотнул, принимая бумагу огромной, мозолистой и непривычно горячей ладонью. — Спасибо, сынок. Кстати, а как твоё имя, парень? Я ведь так и не...

Договорить он не успел. Из-за закрытой двери его десятой квартиры донесся странный звук. Это был глухой, тяжелый, ритмичный стук. *Тук... Тук... Тук...* Будто кто-то запертый внутри изо всех сил бил локтем или коленом в толстую деревянную стену шкафа. А затем послышался короткий, едва различимый скрежет ногтей по металлу.

Я невольно повернул голову к его двери и замер. Пальцы, сжимающие оставшиеся счета, мгновенно стали ледяными.

Мистер Моррисон даже не вздрогнул. Его широкая улыбка ни на секунду не сошла с потного лица, но взгляд больших глаз на мгновение стал абсолютно холодным и оценивающим. Он мастерски перехватил мое замешательство, громко и сокрушенно вздохнув:

— Ох уж этот старый хлам! — Моррисон с досадой хлопнул себя ладонью по колену, и этот хлопок заглушил остатки звуков из квартиры. — Слышал бы ты, парень, как у меня там трубы в ванной ходят. Стоит кому-то на первом этаже включить напор, как мой стояк начинает биться о стену, словно живой. Безумный грохот! Я вот как раз ходил в гараж за деталями, — он кивнул на ящик с железом. — Буду всю ночь ковыряться, чинить этот чертов водопровод. Так что ты извини, если буду шуметь над головой, ладно?

Он говорил так просто, так открыто и виновато, что ледяной ступор меня тут же отпустил. Я мысленно обругал себя за глупую паранойю. Ну конечно, старый дом, прогнившие трубы.

— Да ничего, всё нормально, — кивнул я. — Хорошего ремонта.

— Спасибо, сынок! До встречи! — Моррисон снова добродушно подмигнул мне, подхватил свой ящик и зашел к себе, насвистывая под нос какую-то простую мелодию.

Я развернулся и стал спускаться на второй этаж, чувствуя, как футболка неприятно прилипла к мокрой от пота спине после этого странного стука в десятой квартире. Но на моём родном этаже атмосфера была куда более весёлой.

Дверь шестой квартиры, расположенной прямо напротив моей, была распахнута настежь. Из прихожей на весь коридор бодро гремел какой-то поп-хит из кассетного магнитофона, а из недр жилья вырывался плотный, удушливо-сладкий аромат. Так пахло, если смешать дешёвые ванильные духи с крепким заварным кофе и жареным беконом.

Хозяйкой шестой квартиры оказалась невысокая, яркая девчонка. Прямо сейчас она, пританцовывая под музыку, пыталась вытащить в коридор огромный, набитый до отказа пластиковый пакет с мусором. На ней были потёртые джинсы-клеш и чёрная кожаная куртка с кучей блестящих заклёпок, а губы были накрашены непривычно тёмной, почти чёрной помадой.

— О, привет, сосед! — громко перекрикивая магнитофон, воскликнула она, заметив меня. Девчонка весело и широко улыбнулась, отчего на её щеках появились забавные ямочки. — Поможешь даме? Этот мешок весит как чёртов труп, клянусь!

— Привет. Давай сюда, — я послушно перехватил у неё тяжелый пластик. Она была невероятно шумной, но её бьющая через край энергия чертовски заражала.

— О-о-о, ты просто спаситель! — она картинно приложила ладонь к сердцу и театрально вздохнула. — Я Мелисса. А ты тот самый нелюдимый гранж-парень из пятой, верно? Мисс Грейс уже уши мне прожужжала, какой ты тихий. Думала, ты вообще из коры своей рубашки не вылезашь!

— Я принёс счета от мисс Грейс, — я усмехнулся, протягивая ей конверт, и невольно поправил воротник своей клетчатой фланели.

— Фу, опять макулатура от нашей старушки, — Мелисса забавно сморщила носик и небрежно бросила конверт на тумбочку в прихожей, даже не взглянув на него. Она обернулась, схватила с вешалки легкую ветровку и бодро шагнула на лестничную площадку, прикрывая за собой дверь. — Знаешь что? Пойдем вместе. Мне нужно срочно проветрить мозги, иначе я сойду с ума в четырех стенах.

Мы вместе стали спускаться по лестнице. Я тащил ее тяжеленный мешок, а Мелисса легко порхала по ступенькам перед передо мной, звеня кучей дешевых пластмассовых браслетов на руке.

— Слушай, этот Оквуд навевает на меня такую тоску! — громко жаловалась она, пока мы шли мимо дверей первого этажа. — Я ведь только два месяца назад приехала сюда из нормального места, с севера штата. Там вокруг бесконечные густые леса, пожарные вышки, куча туристов... Красота! А тут? Дождь льет уже неделю, на улицах ни души, тоска смертная! Если бы не моя дурацкая работа официанткой в придорожном дайнере на шоссе, я бы точно завывала.

Мы толкнули тяжелую дубовую дверь подъезда и вышли на задний двор. Отрезающий холодный ливень мгновенно ударил по лицу. Мелисса со смехом натянула на голову капюшон куртки и побежала впереди меня к большим зеленым мусорным бакам, стоящим у забора. Я прибавил шаг, стараясь не поскользнуться на размокшей глине.

Мы с глухим стуком швырнули мешок внутрь бака. Мелисса выдохнула, утирая капли дождя со щек, и задорно подмигнула мне

— Ну вот, план на вечер выполнен. Спасибо за компанию, сосед! Беги обратно в тепло, а то промокнешь насквозь в своей фланельке. Рада была познакомиться!

Она весело развернулась и побежала обратно к подъезду, придерживая капюшон. Я улыбнулся, глядя ей вслед. Мелисса определенно была самой яркой деталью этого серого дома.

Выждав пару секунд, я побежал следом за ней в тепло сухого подъезда, пахнущего старым дубом. Забежав внутрь, я шумно отряхнул куртку от дождевых капель, вытащил из кармана

оставшиеся конверты и посмотрел на двери первого этажа. Мне оставалось отдать всего три счета

Здесь, в самом низу здания, благородный аромат дубовой прихожей намертво въелся в тяжелый, горьковатый дым дорогого трубочного табака и стойкий, резкий шлейф оружейного масла. Я сделал глубокий вдох и постучал в массивную деревянную панель.

Дверь распахнулась почти мгновенно, будто хозяин караулил меня с той стороны. На пороге вырос офицер.

Ему было под шестьдесят пять. Крепкий, подтянутый, с каменной военной выправкой и суровыми седыми усами-щеткой, он выглядел так, словно до сих пор возглавлял окружную полицию и носил на поясе тяжелый служебный пистолет. На офицере была старая армейская куртка цвета хаки с оторванными шевронами, а его тяжелые кожаные ботинки были начищены до такого зеркального блеска, что в них отражался тусклый свет потолочного плафона.

Старик хмуро прищурился, разглядывая меня. Его взгляд опустился на мои промокшие кеды, рваные колени джинсов, а затем переместился на висящие на шее поролоновые наушники плеера Walkman. Офицер явно не питал нежных чувств к современной молодежи.

— Дверь на задний двор снова была приоткрыта, — вместо приветствия процедил офицер низким, хриплым басом, выпуская изо рта облачко сизого табачного дыма. Он крепко зажал в зубах деревянную трубку и скрестил руки на груди. — Вы, сопляки, вообще не думаете о безопасности. Бегаєте туда-сюда, оставляете замки открытыми, а потом удивляетесь, почему в округе пропадают люди.

— Я закрывал её, когда мы выходили с Мелиссой, сэр. Замок защелкнулся, — тихо буркнул я, стараясь не смотреть старому копу в глаза.

— Плохо закрывал, значит, — отрезал офицер, даже не пошевелившись. — Если еще раз увижу, что защелка не встала на место — лично вышвырну твой магнитофон в мусорный бак. Чего тебе надо?

— Извините. Я принес счета от мисс Грейс, на имя Дэррил Вэнс — я торопливо протянул ему желтый конверт.

Дэррил молча выхватил бумагу из моих пальцев, бегло глянул на аккуратный почерк хозяйки дома и снова затаился трубкой.

— И передай своему приятелю-музыканту с третьего этажа, чтобы убавил свой чертов джаз. Оквуд — тихий город, и я не собираюсь терпеть этот балаган на старости лет. Понял меня?

— Да, сэр. Я передам мистеру Поллину.

Старый коп круто развернулся на каблуках, зашел внутрь и с сухим, тяжелым стуком захлопнул за собой дверь. Я мысленно выдохнул, чувствуя, как напряжение в плечах наконец спало. Офицер Дэррил был настоящим циником, вечно ворчал и целыми днями пропадал на заднем дворе, ковыряясь под капотом своего ржавого синего пикапа «Форд». Соседи старались обходить его стороной из-за тяжелого нрава.

Я перевел дух и повернулся к оставшимся двум дверям на первом этаже. Первой по списку была квартира номер один, где жил Чарльз Миллер. Я подошел и постучал три раза. За дверью стояла глухая, мертвая тишина. Ни шагов, ни звука работающего телевизора. Я дождал пару секунд и уже занес руку, чтобы постучать снова, как вдруг за моей спиной с легким, почти бесшумным щелчком отворилась четвертая квартира.

Меня тут же обдало резким, холодным запахом. Благородный аромат дубовой прихожей здесь мгновенно уступил место стойкой, хирургически чистой смеси медицинского спирта, больничного антисептика и дорогой телячьей кожи. На пороге вырос доктор Бернадо.

Ему было около сорока. На фоне остальных жильцов нашего дома, предпочитавших удобные куртки, фланель или грязные рабочие джинсы, Бернадо выглядел пришельцем с другой планеты. На нем был идеально отглаженный строгий костюм-тройка, поверх которого

было накинуто длинное кашемировое пальто глубокого серого цвета. Доктор был безупречно выбрит, а его темные волосы лежали волосок к волоску, несмотря на жуткую ветреную погоду снаружи. В правой руке, обтянутой тонкой кожаной перчаткой, он сжимал тяжелый медицинский саквояж из черной матовой кожи — он как раз собирался на ночное дежурство в центральную больницу Оквуда.

— Добрый вечер, молодой человек, — произнес доктор Бернадо. Его голос был невероятно тихим, мягким и успокаивающим, каким обычно говорят с тяжелобольными пациентами. — Вы напрасно стучите. Мистер Миллер сейчас на смене в магазине через дорогу. Он вернется не раньше полуночи.

— Оу, понятно. Спасибо, доктор, — я немного растерялся под его прямым, пронзительным взглядом. — Я просто разносил счета от мисс Грейс. Вот, это ваш, — я протянул ему предпоследний конверт.

— Вот как. Благодарю, — Бернадо вежливо и едва заметно улыбнулся одними уголками губ, принимая бумагу. Его пальцы в кожаной перчатке действовали аккуратно, словно со скальпелем. — Выглядите бледным, сосед. Оквудские дожди никого не щадят. Берегите горло, в такую сырость легко подхватить простуду. Доброй ночи.

Он аккуратно прикрыл свою дверь, повернул замок и направился к выходу из подъезда. Его одинокий силуэт в длинном пальто, сжимающий в руке саквояж, скрылся за тяжелой дубовой дверью, уходя в дождливую темноту улицы.

Доктор Бернадо всегда держался особняком, был подчеркнуто вежлив, но никогда не пускал никого дальше своего порога. Из-за этой скрытности, идеального знания анатомии и странных ночных прогулок он казался мне пугающим. Мое воображение, подогретое мрачным роком в плеере, часто рисовало его в самых жутких красках.

В руках у меня остался последний конверт — для Чарльза. Сунув его в карман, я решил, что занесу его позже, когда пойду за продуктами. Желудок уже вовсю напоминал, что внутри него пусто, а в моем кармане сиротливо звенели последние центы. Я повернулся и пошел вверх по лестнице, к своей пятой квартире, чтобы наконец набрать номер своего давнего друга.

Заперев за собой дверь пятой квартиры на два тяжелых оборота, я с облегчением сбросил промокшие кеды. В комнате было темно и прохладно. За окном все так же монотонно шумел ливень, размывая огни редких автомобилей на дороге.

Я нащупал на тумбочке пластиковый корпус стационарного телефона, уселся прямо на пол, прислонившись спиной к прохладной стене, и набрал до боли знакомый семизначный номер своего родного города. Трубку сняли после первого же гудка.

— Ну привет, студент! — раздался в динамике бодрый, теплый голос Алекса. — Я уж думал, тебя там волки в лесу сожрали. Как первый день в Оквуде?

Алекс был моим лучшим другом, сколько я себя помнил. Мы вместе планировали поступать в этот чертов колледж, вместе подавали документы, но Алекс не дотянул всего три балла на экзамене и остался дома. Он безумно переживал, но ни разу не показал своей зависти. Наоборот — перед моим отъездом он крепко пожал мне руку и пообещал, что будет присматривать за моей младшей сестрой Алисой, пока я грызу гранит науки. И зная его добрый, упрямый характер, я был уверен, что за Алиску могу не волноваться.

— Привет, чувак, — я устало улыбнулся, вытягивая затекшие ноги в рваных джинсах. — Тут чертовски холодно. Конец августа, а я хожу в теплой фланелевой рубашке и куртке.

— Да ладно тебе, зато свобода! — усмехнулся Алекс на том конце провода. — Соседей уже видел? Нашел себе нормальных друзей?

— Если бы, — я вздохнул, наматывая витой телефонный шнур на палец. — Друг, этот дом — какой-то паноптикум. На первом этаже живет бывший шериф, офицер Дэррил Вэнс. Хмурый старик, ходит в армейском камуфляже и грозит выбросить мой плеер в окно, если я буду громко слушать рок. Напротив него — доктор Бернадо, терапевт из местной больницы.

Идеальный костюм-тройка, тихий вкрадчивый голос, а пахнет от него так, будто он прямо сейчас препарировал кого-то в море. А надо мной сидит молодой брокер Поллин, который крутит джаз и, кажется, вообще не умеет готовить — у него вечно всё горит.

— Звучит как завязка для малобюджетного ужастика, — хохотнул Алекс. — А девчонки есть?

— Из шестой квартиры, Мелисса. Симпатичная, работает официанткой в дайнере. Очень громкая, шумная, мы с ней как раз ходили мусор выбрасывать под этим ливнем. Она приехала с севера штата, говорит, тут со скуки умереть можно.

— Ну вот, видишь, уже не один! — тепло отозвался Алекс.

— Это да. Тут есть и нормальные люди. Мой сосед по этажу, мистер Том Моррисон — огромный такой мужик, инженер, летом мороженым торгует. Максимально добродушный дядька. Правда, когда мы с ним говорили, у него в квартире что-то жутко застучало, но он сказал, что это старые трубы бьются о стену из-за напора воды. Будет всю ночь чинить.

— Обычное дело для таких старых домов, — спокойно ответил Алекс. — Главное, чтобы он тебе спать не мешал своим ремонтом. Ладно, чувак, ты там давай всё равно поосторожнее, закрывай двери на ночь. Если что-то пойдет не так — бросай этот колледж и возвращайся. Нам тут без тебя скучно.

— Всё нормально, Алекс. Прорвемся. Ты там передавай привет Алисе, когда она завтра зайдет тебя проводить. Скажи, что я устроился нормально.

— Обязательно передам, парень. Береги себя. На связи.

— На связи.

Я опустил трубку на рычаг стационарного телефона. На душе после разговора стало чуточку легче. Я поднялся с пола, сунул руку в карман джинсов и нащупал там сиротливую горсть центов. Денег почти не осталось, а жрать хотелось невыносимо.

Я натянул капюшон куртки, взял со стола последний желтый конверт для Чарльза Миллера. На часах было около девяти вечера. Я решил дойти до небольшого круглосуточного супермаркета прямо через дорогу — доктор Бернадо говорил, что Чарльз сейчас на смене, так что это был идеальный шанс наконец отдать ему счет от мисс Грейс и заодно купить хоть какой-то дешевой еды на мои последние центы.

Но именно в этот момент, едва я сделал шаг на лестничную площадку, привычный мир нашего дома окончательно рухнул. Благородный аромат старого дуба и библиотечных страниц, к которому я уже успел привыкнуть, полностью исчез. Вместо него в прихожей апартаментов стояла густая, липкая, тошнотворная вонь.

Пахло сырым, парным мясом, которое на пару дней заперли в душном шкафу в самую летнюю жару, а сверху безуспешно попытались залить едкой дешёвой хлоркой. От этого удушливого коктейля мгновенно запершило в горле, а к подбородку подкатил ледяной, липкий комок тошноты.

Источник вонии обнаружился этажом выше. Из-под приоткрытой двери десятой квартиры этот гнилостный шлейф буквально сползал вниз по ступенькам.

Там, на лестничной клетке третьего этажа, стоял мистер Том Моррисон. На нем были его неизменные грязные джинсы в масляных пятнах, а широкая грудь тяжело вздымалась. Огромный лоб великана блестел от обильного пота, несмотря на прохладу в подъезде. Заметив меня, он неловко, виновато улыбнулся своей широкой добродушной улыбкой и замахал в воздухе огромной ладонью с вечной чернотой под ногтями.

— Ох, парень, извини ради бога! — громко и сокрушенно прогудел Моррисон, утирая лоб рукавом клетчатой рубашки. — Запах просто адский, сам знаю, дышать нечем! В туалете старый стояк окончательно прогнил, вся канализация наружу пошла, затопило меня к чертям. Я уже два дня прошу мисс Грейс вызвать слесаря, но наша хозяйка, сам знаешь, трясется за каждый цент. Сказала: «Моррисон, ты инженер, вот и чини сам».

Вот, ковыряюсь со вчерашнего вечера, никак трубу не залатаю... Скоро всё уберу, залью химией, потерпи немного, ладно?

Он говорил так искренне, так по-соседски открыто, что я просто кивнул, натянул фланелевую ткань рубашки на нос и поспешил спуститься мимо него вниз. Находиться в подъезде с этой вонью было невыносимо. Натянув капюшон куртки, я толкнул тяжелую дубовую дверь подъезда и выбежал на улицу.

Перепрыгивая через глубокие лужи под проливным орегонским дождем, я перебежал дорогу и дернул на себя стеклянную дверь круглосуточного минимаркета.

Над головой весело звякнул маленький латунный колокольчик. Внутри магазина пахло приятным теплом, дешевым заварным кофе, сладкими глазированными пончиками и свежими газетами. За кассой стоял мужчина лет тридцати пяти в форменном синем жилете поверх серого трикотажного худи. У него был усталый, но понимающий взгляд человека, который целыми днями (а часто и ночами) стоит на ногах. В зубах он лениво перекатывал деревянную зубочистку, а за ухом у него торчал остро заточенный простой карандаш. Судя по бейджику на груди, это и был Чарльз Миллер.

Я прошел между полупустыми стеллажами с чипсами и консервами, выудил с нижней полки самую дешевую пачку быстрорастворимой лапши и коробку молока со скидочным ценником. Выложив свой скромный ужин на пластиковую ленту у кассы, я запустил руку в карман джинсов и wygrеб на ладонь всю свою мелочь. Медные центы со звоном раскатились по прилавку.

Чарльз Миллер опустил взгляд на кучку монет, потом перевел его на меня, лениво сдвинув зубочистку в левый угол рта. Я принялся лихорадочно пересчитывать деньги, и в горле у меня пересохло: до нужной суммы не хватало ровно двух долларов.

— Не густо, приятель, — спокойно, с легкой хрипотцой в голосе произнес Чарльз. — На молоко точно не хватит. Студент?

— Да, — я смущенно кашлянул, чувствуя, как уши начинают гореть. — Только на прошлой неделе заселился в дом напротив, к мисс Грейс. Кстати... Я принес это вам.

Я торопливо вытащил из кармана куртки помятый желтый конверт и положил его поверх лапши.

Чарльз удивленно приподнял бровь, взял конверт своими длинными пальцами и, мазнув взглядом по почерку хозяйки, понимающе усмехнулся.

— А, макулатура от нашей старой доброй Грейс. Значит, мы теперь соседи. Я из первой квартиры.

Он безразмерно вздохнул, убрал счет под кассовый аппарат и, даже не глядя на экран, пробил мою лапшу и молоко, выдав мне бумажный пакет.

— Ладно тебе, парень, брось. Я сам когда-то был студентом и отлично знаю, каково это — считать центы до конца месяца. Доживешь до чека от родителей — занесешь эти два доллара. Считай это соседским приветствием.

— Спасибо большое, мистер Миллер, — я искренне выдохнул, забирая пакет с едой. На душе стало еще теплее. Оквуд все-таки состоял из хороших людей.

— Просто Чарльз, — он вынул зубочистку изо рта и кивнул на окно, за которым стеной валил ливень. — Иди давай, пока молоко не прокисло. И запри входную дверь в подъезд, когда вернешься. Старик Вэнс из второй квартиры опять будет ворчать на всю улицу, если замок не защелкнется.

Я улыбнулся, попрощался с Чарльзом и вышел обратно на дождливую улицу. Пробежав дорогу назад, я потянул на себя тяжелую дубовую дверь наших апартаментов. В подъезде все еще стоял этот душлистый, сладковато-липкий шлейф, но я лишь сильнее натянул воротник

рубашки, взлетел на второй этаж и заперся у себя в квартире. Находиться в коридоре было выше моих сил.

Включив на кухне старую конфорку, я поставил греться воду. Через десять минут я уже сидел на подоконнике, слушая, как дождь барабанит по стеклу, и с аппетитом уплетал горячую лапшу, запивая её прохладным молоком. Жизнь определенно налаживалась. В Оквуде, несмотря на жуткую погоду и странные запахи, жили отличные люди: понимающий Чарльз, добродушный великан Том, который сейчас, наверное, по колено в воде чинил свой проклятый стояк на третьем этаже...

Внезапно в дверь моей квартиры тихо, но настойчиво постучали. Три коротких удара.

Я отставил пустую тарелку, подошел к двери и заглянул в круглый глазок. На лестничной площадке, переминаясь с ноги на ногу, стояла Мелисса. Её лицо было наполовину спрятано в широкий воротник. Я торопливо повернул замок и открыл дверь.

Едва панель сдвинулась, как Мелисса буквально ввалилась внутрь прихожей, едва не сбив меня с ног, и сама резко захлопнула за собой дверь. На ней уже не было куртки — только огромный свободный свитер крупной вязки. Девчонка глубоко натянула длинный воротник на самый нос, укутав лицо до самых глаз. Прижавшись спиной к закрытой двери, она заговорила из-за ткани быстро, глухо и запыхавшись, будто только что бежала кросс:

— Боже, ну и вонища там! — она наконец выпустила воротник изо рта и судорожно, жадно глотнула чистый воздух моей прихожей. Темная помада у нее была аккуратно смыта, а щеки слегка порозовели от быстрой ходьбы по коридору. — Я думала, пока до твоей двери дойду — легкие выплуну на этот линолеум. У нашего Тома на третьем этаже трубы не просто прогнили, там, кажется, филиал ада открылся. Дышать вообще нечем.

Она сделала паузу, перевела дух и оглядела мою тесную, темную прихожую. А потом хитро сощурилась, посмотрела на меня и выдала со смешком, кивнув в сторону жилой комнаты:

— Слушай, сосед, мы так и будем торчать у порога, или ты наконец пригласишь даму пройти дальше? А то я уже начала сомневаться, у кого из вас уютнее — у Моррисона на лестнице или в твоём коридоре!

Я хмыкнул, оценив ее прямоту.

— Заходи, у меня на кухне хотя бы хлоркой не несет. Я как раз только что закончил ужинать. Могу предложить чай, если мисс Грейс не отключила нам горячую воду.

— О, чай — это просто мечта! — Мелисса весело прошмыгнула мимо меня на кухню, обдав привычным шлейфом ванили. — С меня — пара мятных леденцов, которые я стащила с работы.

Мы устроились на моей небольшой кухне. Мелисса забралась на стул с ногами, обхватив колени руками, и принялась болтать обо всем на свете — о привередливых дальнобойщиках в дайнере, о своей безумной любви к рок-музыке семидесятых и о том, как она мечтает накопить денег и уехать в Калифорнию, где всегда светит солнце. С ней было невероятно легко. В её компании я напрочь забыл о том, что нахожусь в чужом, холодном городе. Она громко смеялась, активно жестикулировала, и её пластмассовые браслеты весело звенели в тишине квартиры. Я смотрел на неё и думал, что этот вечер складывается просто идеально.

В районе одиннадцати часов вечера нашу уютную беседу внезапно прервал шум. Прямо над нашими головами, со стороны потолка, раздался тяжелый, глухой удар. *Бам.* А затем еще один. *Бам.*

Звук был такой силы, что люстра на кухне слегка качнулась, а чай в моей кружке пошел мелкой рябью. Мелисса от неожиданности вздрогнула и испуганно посмотрела вверх, вжав голову в плечи.

— Боже, что за грохот? — прошептала она, недовольно поморщившись. — Такое ощущение, что сверху стены рушат кувалдой.

— Сосед сверху говорил, что у него трубы прогнили и вода бьет о стены, — вспомнил я дневной разговор на лестнице и примирительно махнул рукой. — Предупреждал, что будет шуметь всю ночь, пока чинит. Видимо, ремонт в самом разгаре. Старый дом, что с него взять.

Мелисса зябко поежилась, глядя на подрагивающую лампу, но спорить не стала. Мы постарались вернуться к разговору, но тяжелые, мерные удары сверху продолжали сыпаться с интервалом в пару минут, отдаваясь глухой вибрацией по стенам нашей кухни.

Около половины двенадцатого Мелисса поднялась со стула. Она подошла к входной двери, нехотя потянула за ручку, но стоило ей бросить взгляд в темный, вонючий коридор подъезда, как девчонка резко замерла. Её плечи мелко задрожали. Она медленно закрыла дверь обратно и повернулась ко мне. В тусклом свете прихожей я увидел, что она бледная как мел.

— Я не могу. Я просто не усну там одна. Моя квартира... она ведь прямо стенка к стенке с седьмой. С той самой, откуда на прошлой неделе пропала моя подруга.

Я молча смоцЫтрел на нее, удивленный такой резкой перемене. От её прежнего громкого и легкомысленного задора не осталось и следа.

— Мы ведь дружили с ней, понимаешь? — голос Мелиссы сорвался, она подошла ближе, и её пластмассовые браслеты мелко застучали друг о друга из-за дрожи в руках. — Полиция говорит, что Шерил просто сбежала со своим парнем или уехала автостопом. Но это чушь! За два дня до исчезновения она прибежала ко мне вся в слезах. Шерил ездила на север штата, в мой родной лесной округ, и говорила, что на обратной дороге за ней кто-то ехал. Какая-то старая машина преследовала ее до самого Оквуда. А потом этот кто-то караулил ее прямо под окнами нашего дома, стоял в темноте и просто смотрел. Шерил боялась выходить на улицу... А теперь ее вещи лежат в седьмой квартире, на двери висит дурацкая полицейская лента, а за стеной мертвая тишина. Я не могу там находиться. Мне кажется, что этот урод до сих пор где-то здесь. Ходит вокруг дома.

Она зябко обняла себя за локти, уставившись в пол. Теперь мне стали понятны ворчание офицера Вэнса насчет незапертых дверей и скрытность доктора Бернадо. Оквуд больше не казался мне тихим и безопасным.

— Эй, — я мягко коснулся ее плеча через плотную ткань свитера. — Всё нормально. Оставайся у меня. Переспешь на диване в комнате, я уступлю. Все равно под этот грохот сверху спать невозможно.

Мелисса удивленно подняла на меня глаза, в которых блеснули слезы, и слабо улыбнулась:

— Спасибо, сосед. Ты правда золото.

Я вытащил из шкафа запасное одеяло и подушку, помог ей устроиться на узком старом диване, а сам постелил себе прямо на полу, подложив под голову свернутую куртку. Мы выключили свет. За окном все так же монотонно и тяжело шумел ливень, а прямо над нашими головами, в глухой темноте потолка, продолжал раздаваться этот мерный, жуткий, глухой стук. *Бам... Бам...* Он то затихал на пару минут, то возобновлялся с новой силой. Нам обоим было не до сна. Мы лежали в темноте, глядя в потолок, и каждый думал о своем. Мелисса тихо вздыхала, вздрагивая от каждого удара, а я слушал этот грохот труб и засыпал с мыслью, что завтра этот бесконечный дождь обязательно должен закончиться.

Дождь за окном прекратился только под утро, оставив после себя серый туман, который лениво полз между вековыми соснами Оквуда. Глухой, мерный стук сверху затих где-то в районе четырех часов ночи, и мне наконец удалось провалиться в тяжелый, беспокойный сон без сновидений.

Я проснулся от того, что в лицо ударил блеклый утренний свет. Диван в углу комнаты был уже пуст — Мелисса аккуратно сложила одеяло и подушку на край. На кухонном столе лежала короткая записка, написанная размашистым почерком: *«Спасибо за приют, гранж-бой. Побегала переодеться и на автобус до дайнера. Увидимся вечером!»*

Я улыбнулся, потягиваясь всем телом после жесткого пола, и поплелся в ванную. Умывшись ледяной водой из-под крана, я натянул свои рваные джинсы и все ту же клетчатую фланелевую рубашку. В подъезде было подозрительно тихо. Запах гнили и хлорки, который вчера едва не выжег мне легкие, за ночь заметно выветрился, уступив место привычному аромату старого дуба. Видимо, Моррисон действительно закончил свой ночной ремонт и залил трубы сильной химией.

Желудок снова предательски заурчал, напоминая, что вчерашняя пачка лапши растворилась без следа. Я как раз собирался поставить чайник, когда в дверь моей квартиры негромко постучали.

Я подошел к двери, повернул замок и открыл её. На пороге стоял мистер Том Моррисон.

Великан выглядел уставшим — под его добрыми глазами залегли темные тени, а лицо казалось серым от бессонной ночи. Но, увидев меня, он тут же расплылся в своей привычной, широкой и обезоруживающей улыбке. Он сменил вчерашнюю промокшую одежду на свежую, чистую футболку, но под его ногтями по-прежнему чернела вечная инженерная грязь. В руках он держал небольшую тарелку, прикрытую бумажной салфеткой.

— Доброе утро, парень! — добродушно прогудел Том своим глубоким басом. — Я тут решил заглянуть, извиниться еще раз за этот ночной кошмар. Ну и грохот стоял, да? Я сам только под утро прилег, всю ночь возился с этими чертовыми трубами. Зато теперь всё сухо, заварил намертво.

— Да ладно вам, мистер Моррисон, всё в порядке, — ответил я, чувствуя себя немного неловко. — Главное, что починили.

— Ох, зови меня просто дядя Том, я же просил, — он весело отмахнулся огромной мозолистой ладонью и протянул мне тарелку. — Слушай, я тут себе завтрак готовил и подумал о тебе. Ты же только заселился, плиту толком не обжил, наверняка голодный сидишь, как все студенты. Держи, подкрепись. Домашний хлеб, свежее масло и ветчина. Сам вчера вечером закупался.

Он приподнял салфетку. На тарелке лежал внушительный, аккуратно нарезанный бутерброд. Мясо внутри выглядело непривычно нежным, бледно-розовым, идеально ровно уложенным на толстый ломоть хлеба. От бутерброда шел аппетитный, едва уловимый аромат каких-то пряных специй.

— Спасибо, дядя Том, — я искренне удивился такой заботе и принял тарелку. Пальцы Моррисона, когда они случайно коснулись моих, снова показались мне неестественно горячими. — Это очень кстати.

— На здоровье, сынок! — Моррисон тепло прихлопнул меня по плечу, отчего я чуть не выронил тарелку. — Ешь, пока свежее. Силы тебе еще понадобятся. Ладно, побегу я, нужно еще до мисс Грейс дойти, отчитаться по ремонту. Удачного дня!

Он весело подмигнул мне, развернулся и своей тяжелой, грузной походкой направился к лестнице на третий этаж, тихонько насвистывая под нос вчерашнюю простую мелодию.

Я закрыл дверь, вернулся на кухню и поставил тарелку на стол. Бутерброд выглядел невероятно аппетитно, а желудок от одного его вида сжался в голодном спазме.

Я взял его в руки, поднес ко рту и замер, когда до моего носа долетел легкий, едва различимый шлейф каких-то незнакомых пряных специй. Запах был приятным, но немного непривычным — сладковатым, с легкой ноткой розмарина и мускатного ореха. Желудок требовал еды здесь и сейчас, поэтому я отбросил лишние мысли и сделал огромный укус.

Мясо оказалось поразительно нежным. Оно буквально таяло во рту, но вкус у него был странный — плотный, сочный, со специфическим сладковатым послевкусием, которое не было похоже ни на обычную свинину, ни на говядину. Я подумал, что дядя Том, должно быть, покупает продукты в какой-то особой фермерской лавке на окраине Оквуда или использует старый семейный рецепт маринада.

В три укуса я расправился с огромным бутербродом, запил его остатками вчерашнего молока прямо из коробки и удовлетворенно выдохнул. Голод наконец отступил, а в теле появилась приятная сытость. Оквуд определенно начинал мне нравиться — где еще встретишь соседа, который принесет тебе бесплатный, чертовски вкусный завтрак после тяжелой ночи?

Быстро сполоснув тарелку под краном, я бросил её на сушилку, сунул руки в карманы и вышел в подъезд. На часах было начало десятого.

Я решил дойти до минимаркета через дорогу, отдать Чарльзу долг за молоко и лапшу, а заодно немного прогуляться по городу, в котором мне предстояло прожить ближайшие несколько лет. Настроение было отличным, сытный завтрак согревал изнутри, и я искренне верил, что все странности этого дома — ночной стук, пугающий запах и страхи Мелиссы — были всего лишь глупыми совпадениями.

Я еще никогда так сильно не ошибался.

Я запер входную дверь своей пятой квартиры, повернулся к лестнице, но ноги словно сами по себе отказались идти вниз. Мой взгляд намертво прилип к двери под номером семь, расположенной прямо напротив жилья Мелиссы. Та самая квартира, откуда неделю назад бесследно исчезла Шерил.

На втором этаже стояла мертвая, звенящая тишина. Сверху больше не доносился грохот труб Тома Моррисона, из шестой квартиры не гремел магнитофон ушедшей на работу Мелиссы. Дом словно вымер. И в этой тишине ночные слова Мелиссы о слежке, о брошенных вещах и таинственном преследователе внезапно вспыхнули в моей голове. Любопытство — глупое, навязчивое студенческое любопытство — острой иглой кольнуло изнутри. Мне нестерпимо захотелось взглянуть, что там, за этой дверью. Как выглядит место, из которого человек просто испаряется в никуда?

Тихо, стараясь не скрипеть половицами старого паркета, я сделал несколько шагов вглубь коридора и подошел к седьмой квартире.

На её ручке висела пожелтевшая, наспех наклеенная бумажная лента с сухой печатью департамента шерифа Оквуда и надписью: «*DO NOT ENTER. CRIME SCENE*». Стоп. Мелисса же говорила, что копы даже дело заводить не стали. Шериф решил, что девчонка просто сбежала с парнем. Тогда откуда здесь эта лента? Полиция штата? Исключено, они не полезут через голову местного шерифа. Значит... её повесил кто-то другой.

Сама дверь была заперта, но это был старый дом, и строители девяностых не особо заботились о приватности. Чуть ниже замка темнела широкая, старая замочная скважина, сквозь которую вполне можно было что-то разглядеть.

Я огляделся. Сердце внезапно забилось где-то в районе горла, а пальцы снова стали ледяными, как вчера во время стука на третьем этаже.

Я опустил на одно колено перед дверью квартиры №7, прижал ладонь к холодной деревянной обшивке и прильнул глазом к замочной скважине. Сквозь узкое отверстие в лицо мне тут же ударил слабый, прохладный сквозняк. Внутри было тихо — никакого запаха, обычная заброшенная квартира. Мои глаза долго привыкали к полумраку прихожей.

Там царил жуткий беспорядок. На полу валялись перевернутые туфли, какая-то сорванная с вешалки куртка и осколки разбитой чашки. Но самое странное было в другом. Прямо по центру узкого коридора, на светлом линолеуме, отчетливо виднелась цепочка темных, высохших грязных следов от тяжелых рабочих ботинок. И эти следы вели не к выходу из квартиры...

они вели вглубь комнат. Кто-то зашел внутрь совсем недавно, уже после того, как полиция опечатала дверь. И этот кто-то, судя по направлению отпечатков, так и не вышел обратно.

Я резко, словно от удара током, отпрянул назад от замочной скважины и поднялся на ноги. В звенящей тишине пустого коридора второго этажа мне вдруг показалось, что из-за опечатанной двери за мной тоже кто-то пристально наблюдает.

Остаться в доме было выше моих сил. Паранойя накрыла с головой. Натянув капюшон куртки, я буквально скатился по лестнице вниз, вылетел на улицу и зашагал прочь от апартаментов.

До придорожного дайнера на шоссе, где работала Мелисса, нужно было идти минут пятнадцать мимо глухой стены туманного леса. Холодный воздух немного привел меня в чувство, но перед глазами все равно стояли эти черные следы, ведущие в темноту чужого коридора. Я должен был рассказать всё Мелиссе. Она дружила с Шерил, она знала Оквуд лучше меня. Но пугать её раньше времени, пока я сам ничего не понимал, было нельзя.

Над дверью закусочной звякнул колокольчик. Внутри пахло жареным беконом, дешевым кофе и табачным дымом. Мелисса стояла у стойки, принимая заказ у какого-то дальнбойщика. Заметив меня в моей неизменной клетчатой фланели, она удивленно приподняла брови и весело улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.